

УДК 903.08(083)
DOI: 10.17223/19988613/67/18

С.Ф. Кокшаров

ВАРИАНТ ПЕРЕДАЧИ ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕЗЬБЕ БОЛЬШОГО ШИГИРСКОГО ИДОЛА

Статья представляет собой переработанный доклад, зачитанный на конференции «Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии» (12–16 июня 2017 г., Екатеринбург).

Рассмотрена эволюция взглядов на датировку и прочтение образов Большого Шигирского идола. Ключевое значение отведено материалам поселения Волонча I и Игнatieвской пещеры. Они позволили обособить группу специфических антропоморфных существ, выполненных в скелетном варианте рентгеновского стиля, а также идентифицировать разнополых персонажей на теле идола. Новые раннеголоценовые даты идола актуализируют поиск параллелей в других памятниках ледниковой эпохи.

Ключевые слова: Большой Шигирский идол; изобразительное творчество; рентгеновский стиль; иконографический канон; фигуративные и нефигуративные образы; перспектива; палеолит; мезолит; Урал.

Обстоятельства нахождения Большого Шигирского идола в одном из торфяников Среднего Зауралья, рассмотрение вариантов его реконструкции, вопросы датировки и определение количества антропоморфных образов освещены в статьях некоторых исследователей [1. С. 50–52; 2. С. 130–135; 3]. Внимание, обозначившееся к этому уникальному памятнику древнего изобразительного творчества на рубеже XX–XXI вв., нельзя назвать спонтанным. Оно носило, скорее, пульсирующий характер, поскольку появлению упомянутых работ предшествовала череда других, не менее важных, открытий.

В 70-е гг. XX в. наиболее полная графическая реконструкция Шигирского идола с тщательно прорисованными образами и узорами, выполненная еще в начале XX в. В.Я. Толмачевым [4. С. 96, 98–99. Табл. II], фигурирует в монографиях С.В. Иванова и В.И. Мошинской, посвященных анализу древней и современной скульптуры народов Урала и Сибири. Таким образом, статья В.Я. Толмачева, перешедшая по прошествии 60 лет в разряд раритетных, была вновь востребована и введена в научный оборот, что свидетельствовало о возросшем интересе к этому уникальному археологическому источнику (рис. 1, 12).

С.В. Иванов, крупнейший специалист в сфере изобразительного творчества народов севера Евразии, отнес находку к первому типу деревянной скульптуры таежных угров, отметив ее глубокую древность. Для изображений данного типа характерны вытянутое лицо, суживающееся по плечам, плоский лоб, переходящий в прямой нос, часть лица под глазами углублена и стесана на щеках до подбородка. Рот углублен, иногда слегка приоткрыт. У большинства фигур конечности едва намечены или вовсе отсутствуют [5. С. 61, 285]. С.В. Иванов не анализировал отдельно декор, покрывающий «тело» идола, а сосредоточил внимание исключительно на главном образе, венчающем изваяние, и на личинах, вырезанных на широких

плоскостях. Опираясь на выводы археологов, исследователь датировал Шигирского идола серединой III тыс. – первой четвертью II тыс. до н.э.

К исследованию В.И. Мошинской привлечены образцы скульптуры из кости, рога, камня и керамики, созданные древними народами Урала и Западной Сибири. Среди материалов археологических исследований и случайных находок, хранящихся в различных музейных фондах, помещена реконструкция идола, выполненная В.Я. Толмачевым [6. Табл. II]. В книге приведены взгляды на возраст шигирской находки, предложенные в разные годы В.Я. Толмачевым, Д.Н. Эдингом П.А. Дмитриевым, Е.М. Берс и М.Е. Фосс [Там же. С. 46, 47, 61, 99]. Исследователь сожалела, что сложно подыскать аналоги этому объекту среди антропоморфных изображений Урала и Западной Сибири.

В монографии подробно рассмотрены детали главного скульптурного изображения идола – головы, а также отмечены 4 человеческих личины на противоположных широких плоскостях идола. В отличие от С.В. Иванова, В.И. Мошинская замечает, что «индивидуальной и характерной особенностью этой скульптуры в целом является наличие линейного орнамента, вырезанного на досках» [Там же. С. 43]. Как выяснилось позднее, Ванда Иосифовна и ее предшественники упустили из внимания даже не 4, а 7 образов [2], выполненных в оригинальной объемно-резной технике. Более того, тщательное изучение «тела» идола в 2014 г. позволило открыть еще одну, восьмую личину [7. С. 7]. Внимательное рассмотрение резьбы на плоскостях позволило констатировать, что не все узоры относились к линейным, как указывала В.И. Мошинская. Часть из них представлена геометрическими мотивами, такими как зигзаги, ромбы и шевроны. Независимо от исполнения, резной декор, сопутствующий личинам на гранях идола, нес не столько эстетическую, сколько смысловую нагрузку.

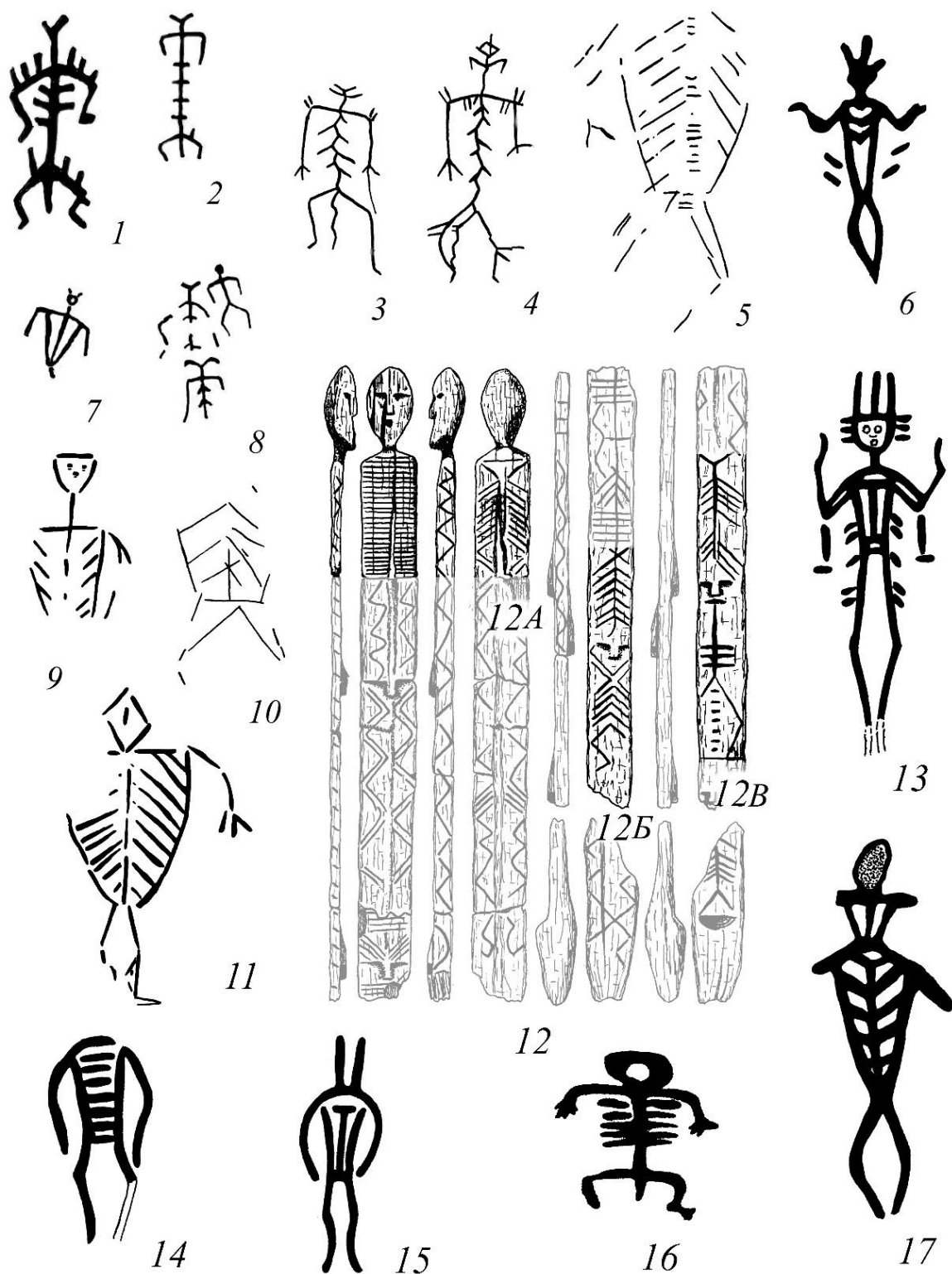

Рис. 1. Скелетный вариант рентгеновского стиля в древнем искусстве Урала (1–4, 7–8, 12),

Сибири (5–6, 9–11, 13–15, 17) и северо-запада Китая (16):

1–2, 7 – Писаный Камень на р. Тагил [8. С. 36; 9. Рис. 32, 60–62]; 3–4 – каменный диск из окрестностей г. Нижний Тагил [10. Рис. 5, 1]; 5, 10–11 – поселение Волвонча I [11. Рис. 3, 1, 4–5]; 6, 17 – р. Ангара [12. Fig. 2, a, b]; 9 – поселение Старый Хан-гокурт II [11. Рис. 3, 2]; 13–15 – поселение Самусь IV [13. Рис. 33A, 1, 4; 34, 1]; 16 – сосуд культуры яншао [14. Рис. 41, a]

Важные детали, сопутствующие скульптурным образам – главному персонажу и личинам, – переданные нефигуративными мотивами (резным декором), удалось прочесть на рубеже 1980–1990 гг., после открытия группы антропоморфных существ на керамике

энеолитического поселения Волвонча I, расположенного на р. Конда в Западной Сибири [11. С. 5–14. Рис. 1. Рис. 2, 1. Рис. 3, 1–2, 4–5. Рис. 6; 15. Р. 510. Table 2, 3, 6]. Образы, воспроизведенные на керамике, контурные, выполненные отпечатками гребенчатых штампов в спе-

цифическом варианте рентгеновского стиля (рис. 1, 5, 10–11). Его правильнее определить, как «скелетный», поскольку понятие «рентгеновский» более широкое, отождествляемое в целом с интеллектуальным реализмом [16. С. 292]. Рисунки с поселения Волвонча I сближаются с шигирскими не только стилистически, но и фронтальным размещением персонажей на полу-согнутых ногах с развернутыми на 180° ступнями. И на идоле, и на посуде они воспроизведены на предварительно подготовленных плоскостях: в первом случае на затесанном стволе лиственницы, во втором – на внутренней и внешней стенках керамических емкостей.

В поиске аналогов материалам Волвончи I был рассмотрен не только Шигирский идол [11. Рис. 3, 3, 6. Рис. 4], но и некоторые уральские писаницы (рис. 1, 1–2, 7–8), где нередко встречаются антропоморфы, выполненные анфас в уже знакомой скелетной манере

[Там же. Рис. 2, 2–4]. Тогда же особое внимание привлекла женская фигура из «Красного панно» на потолке Дальнего зала Игнatieвской пещеры, находившаяся в оппозиции крупному млекопитающему в противоположной части композиции [Там же. С. 14; 17. С. 74. Рис.]. Половую принадлежность образа выдает не только грудь, но и ряды точек, помещенных между ног (рис. 2, 2). Рисунок уникален, так как ни на одном другом «из известных памятников наскального искусства на Урале нет человекообразных существ с линиями пятен между ногами» [18. С. 103]. Тот же способ подчеркивания пола фиксируется и у одной из фигур, находящихся в основании Шигирского идола, что послужило основанием для отнесения последней к числу женских (рис. 1, 12В; 2, 1). Таким образом, на противоположных плоскостях идола были дифференцированы разнополюсные образы [11. С. 8–14. Рис. 3].

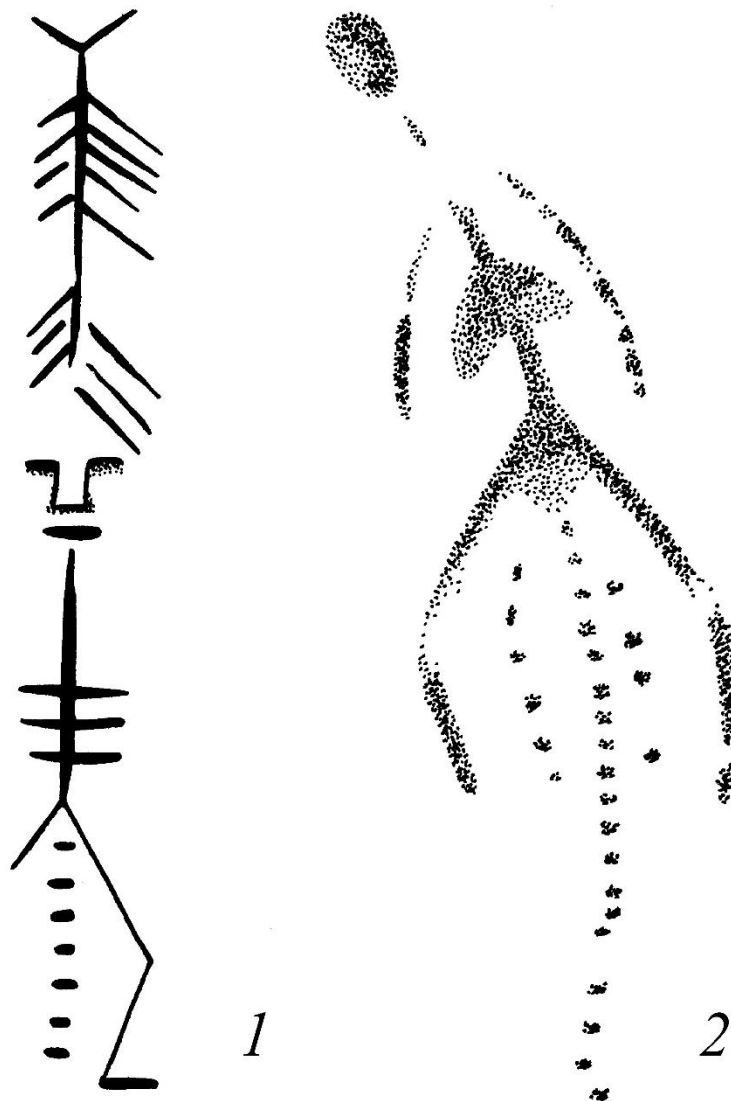

Рис. 2. Женские образы на Большом Шигирском идоле (1) и в Дальнем зале Игнatieвской пещеры (2) (по В.Я. Толмачеву [4. Табл. II] и В.Т. Петрину [19. Рис. 43])

Выявленные параллели сочтены достаточным основанием для пересмотра возраста находки из торфяника. Если В.И. Мошинская датировала его эпохой железа [6. С. 99], а С.В. Студзицкая ограничивала его

создание развитым бронзовым веком и также допускала омоложение находки [20. С. 318], то материалы западносибирского поселения позволяли отодвинуть нижнюю границу по меньшей мере до энеолита [11. С. 14, 23].

В качестве дополнительного аргумента для более радикального удреждения скульптуры рассматривалась также единая манера изображения женских образов на идоле и в панно Игнatieвской пещеры [11. С. 14. Рис. 3, 6]. Действительно, ведущие специалисты продолжают приводить аргументы, указывающие на палеолитический возраст рисунков в Игнatieвке [17. С. 74; 19. Рис. 42–43; 21. Рис. 24. Фото 85 и др.]. Однако отнесение Шигирского идола в начале 1990-х гг. даже к периоду энеолита вызывало неоднозначную реакцию коллег, и, разумеется, тогда было бы еще неосмотрительнее поднимать вопрос об очередной и более существенной хронологической ревизии предмета.

Обращение к образцам изобразительного творчества при датировке археологических материалов, безусловно, оправданно, но всегда следует помнить, что искусство, отражающее изменения в духовной жизни человека, воплощается по особым законам, и для вынесения заключения о глубокой древности идола следовало опираться на дополнительные и, по возможности, проверяемые данные. Такие материалы появились через несколько лет, когда были получены первые ¹⁴C калиброванные даты. Образцы, взятые из внутренних слоев ствола лиственницы, из которой был вытесан Шигирский идол, свидетельствовали о мезолитическом возрасте дерева [1. С. 52]. Недавно эти датировки откорректированы германскими специалистами, установившими, что возраст древесины Шигирского идола может составлять около 11 500 лет [22. С. 5].

Новые данные важны тем, что сужают хронологический разрыв между Шигиром и Игнatieвкой, придавая убедительность выстраиваемым параллелям. Несмотря на различия в технике воплощения антропоморфных фигур из торфяника и пещеры (резьба по дереву и роспись красным пигментом с включением органического материала на своде пещеры [23. С. 110]) и в манере исполнения («скелетная» и линейная), сравниваемые женские образы объединяют расположение анфас, согнутые нижние конечности, единый прием в передаче пола и предельная стилизация. Впрочем, стилизация, схематизм и статичность вообще характерны для образных фигур Игнatieвской пещеры [21. С. 90].

Новые изотопные данные, свидетельствующие о значительной древности Шигирского идола, позволяют подойти к рассмотрению нефигуративных резных изображений, сопряженных с персонажами обоих полов, тем более что ранее указывалось на перспективность подобных исследований [24. С. 85].

Наше внимание привлекли вертикальные шевроны, возвышающиеся над головами существ, определенных как мужское и женское. В первом случае шеврон состоит из 7 резных уголков, а во втором – из 8, сгруппированных с небольшим интервалом по 3 и 5. Принимая во внимание минимальный хронологический разрыв между Шигирским идолом и рисунками Игнatieвской пещеры (финал плейстоцена – начало голоцена), можно предположить, что перед нами своеобразное воплощение одного из художественных приемов, хорошо известного по творчеству верхнего палеолита.

Речь идет о передаче перспективы в плоскостном рисунке, в котором объединялось несколько сходных образов. В подобных композициях наблюдается совмещение фигуративных изображений с производными (переходными) от них формами.

К числу хрестоматийных примеров верхнепалеолитического творчества относится лучевая кость орла с гравировкой движущегося слева направо стада оленей, найденная в пещере Тейжа [26. С. 12], а под другим источником – в Лортэ [27. С. 83. Рис. 44, 7] или в Grotte de la Mairie [28. С. 234–235, 266]. Древний мастер использовал возможности горизонтальной перспективы, воспроизведя лишь переднее и заднее животное, тогда как все промежуточные олени изображены простыми косыми черточками, а соответствующие им рога нарисованы очень крупными и стилизованными (рис. 3, 1). Г. Обермайер, поместивший прорисовку в своей работе, разделяет наблюдения А. Брейля о том, что «путем упрощения таких изображений ... произошли простые орнаменты... возникшие из очертаний животных» [Там же. С. 267]. Он подытоживает, что художники четвертичного периода, перешедшие к стилизации рисунков, отталкивались от натуралистичных изображений фигур животных. Наметившаяся тенденция получила свое логическое развитие в изобразительном творчестве последующей мезолитической эпохи [26. С. 14].

Другим примером использования перспективы является каменная плитка с гравировкой, обнаруженная в Шаффо, на которой воспроизведены два табуна лошадей (рис. 3, 2). По замечанию Б.А. Фролова, в обоих случаях животные утрачивают индивидуальные черты, превращаясь в абстрактные единицы, удобные для счета [27. С. 83. Рис. 43, 4].

Вполне допустимо, что обитатели Шигирского палеоозера реализовали перспективу в передаче антропоморфных образов на лиственничном стволе. Если эти рассуждения верны, то количество углов в шевроне соответствовало количеству антропоморфных персонажей, выстроенных как бы «в колонну», тела которых заслонял образ первого плана (рис. 4). Однако в отличие от рисунков из Тейжа и Шаффо перспектива на идоле передана по вертикали, поскольку в древности он удерживался в этом положении намеренно [29. С. 6].

Сопоставляемые материалы из Шигирского торфяника и Игнatieвской пещеры свидетельствуют не только о преемственности в изобразительной деятельности древнего уральского населения в позднем палеолите и мезолите. Изваяние примечательно и тем, что на нем фиксируется новый иконографический канон, который, возможно, следует определить, как *шигирский*. Как это ни странно, но он позволял древним художникам импровизировать в рамках скелетного варианта рентгеновского стиля при воплощении антропоморфов. Последние воспроизводились анфас, на полусогнутых ногах с разведенными врозь ступнями [11. С. 23; 30. С. 20]. В области головы схематично обозначались глаза и рот, хотя обезличенные персонажи были тоже нередки. Контур туловища, охватывающий хорду и ребра, мог отсутствовать, либо переда-

вался овалом, усеченным в верхней части, или высокой трапецией с меньшим основанием внизу. В приведенной подборке можно ознакомиться с образами ме-

золита-бронзового века, которые зафиксированы на территории от Урала до северо-западного Китая (см. рис. 1, 1–17).

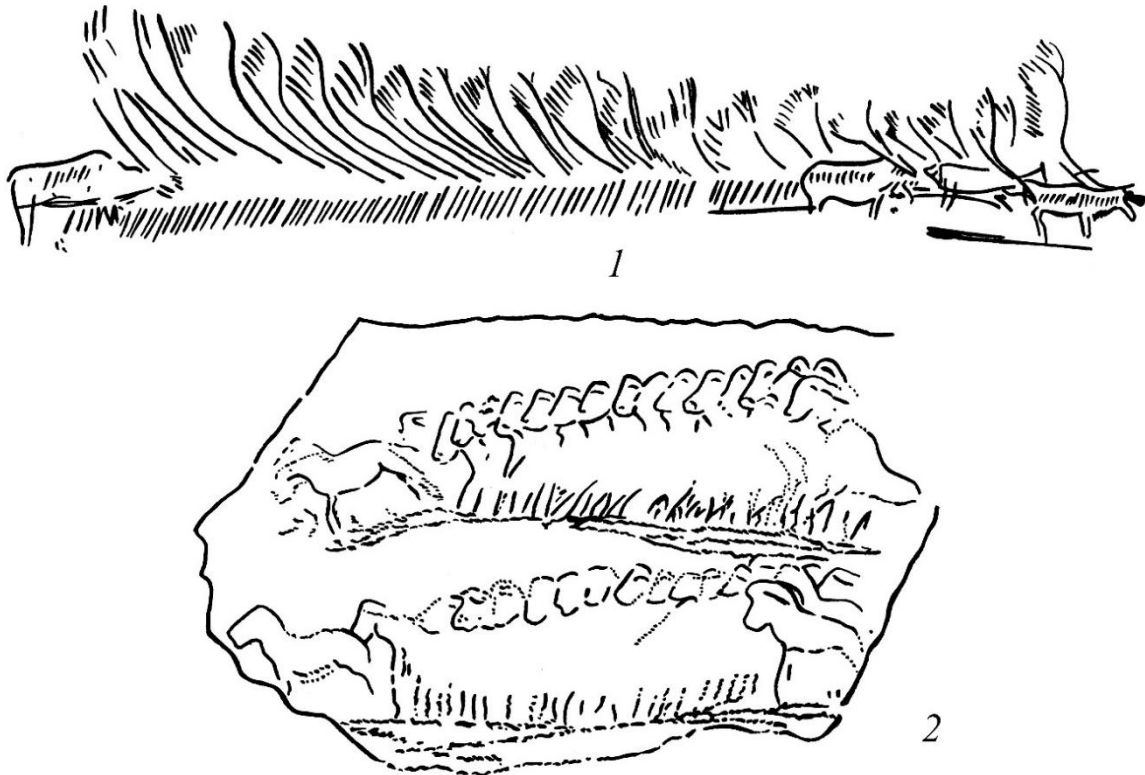

Рис. 3. Передача перспективы на гравировках по кости из пещеры Тейжа (1) и камню из Шаффо (2) (по Г. Обермайеру [28. Рис. 127] и Б.А. Фролову [27. Рис. 43, 4])

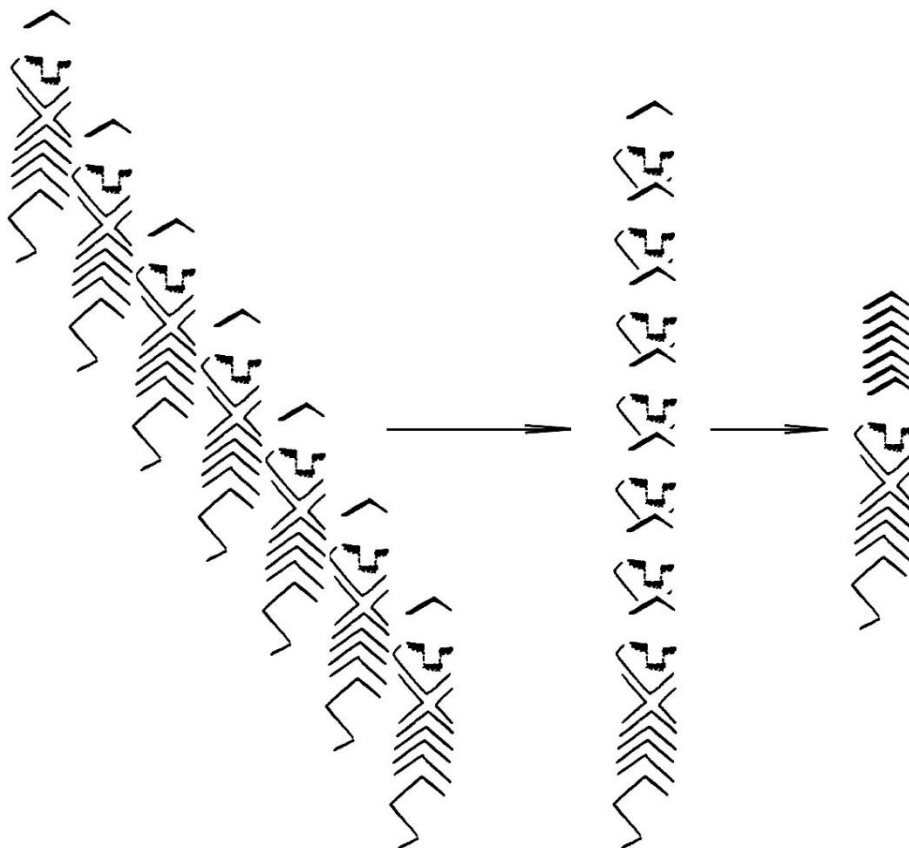

Рис. 4. Резной шеврон на Шигирском идоле как отражение перспективы

Маловероятно, что новая традиция сложилась впервые на границе Европы и Азии, где найден Шигирский идол, а затем была заимствована соседями древних уральцев. Художественная завершенность разнополых существ в основании идола, подчиненных одному стереотипу, может свидетельствовать о латентном периоде, когда вызревал обозначенный канон. Его формирование могло начаться в конце палеолита или в переходное время от палеолита к мезолиту в одной или сразу нескольких частях Северной Евразии, население которой никогда не было изолировано друг от друга и сохраняло постоянные или эпизодические контакты. Правда, уральскому региону повезло в том отношении: именно здесь, благодаря уникальным условиям залегания в торфе, сохранился Большой Шигирский идол. Наложение образов, помещенных на деревянном изваянии, их иерархичность и так называемая «коллективная индивидуальность» свидетельствуют о сложности системы миропонимания не только у конкретной общины рыболовов и охотников, но и у других популяций той исторической эпохи. Судя по Шигирскому идолу, в мезолите были востребованы иные, нежели в ледниковую эпоху, взгляды человека

на самого себя и окружающий его мир, который наполнялся множеством антропоморфных персонажей.

Проблема реконструкции мифологических представлений у архаичных обществ Урала и Сибири действительно очень сложна и выходит за рамки данной работы. Ее очень образно охарактеризовал А.М. Сагаляев, отмечавший, что традиционное миропонимание напоминает сеть, сплетенную разумом, которая как бы наброшена на окружающий мир. Она далеко не идеальна, так как ее пустоты чередуются с плотными частыми узелками. «Подобные сравнения при всей их условности демонстрируют такие качества мировоззрения, как избирательность в построении картины мира, гибкость и принципиальную незавершенность. Галерея архаичного мировоззрения – не монументальные полотна, а эскизы», в которых многое «...предполагается, допускается, но не постулируется» [31. С. 23]. Попытки прочтения образов, запечатленных на идолу, с опорой на сюжеты и персонажи из позднейшей мифологии обских угров представляются излишне прямолинейными, поскольку археологический источник и фольклор разделены многими тысячелетиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С.В. Иванов относит шевроны к бордюрам, обладающим третьим видом симметрии. Они имеют ось переносов параллельную плоскости симметрии [25. С. 38. Рис. 12, 3]

² Данный художественный прием следует отличать от палимпсеста, в котором происходит наложение разновременных рисунков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савченко С.Н. История формирования коллекции шигирских древностей в Свердловском областном краеведческом музее // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга : материалы науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. Ч. 1: Из истории уральской археологии. С. 46–53.
2. Савченко С.Н., Жилин М.Г. О новых деталях изображений Большого Шигирского идола // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2004. С. 130–147.
3. Чаиркина Н.М. Большой Шигирский идол // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 100–110.
4. Толмачев В.Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Известия Императорской Археологической Комиссии. Петроград : Тип. Главного Управления Уделов, 1916. Вып. 60. С. 94–99.
5. Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л. : Наука, Лен. отд-ние, 1970. 296 с.
6. Мошинская В.И. Древняя скульптура народов Урала и Западной Сибири. М. : Наука, 1976. 132 с.
7. Савченко С.Н. К вопросу о изображениях на Большом Шигирском идолу // Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии : программа междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12–16 июня 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 7–8.
8. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Вып. 1 // САИ. 1964. Вып. В4-12. 52 с.
9. Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Широкова Н.А. Уральские писаницы: река Тагил. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. 112 с.
10. Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург : Урал. ун-т, 2002. Вып. 24. С. 127–150.
11. Кокшаров С.Ф. Опыт реконструкции некоторых мифологических представлений кондинского населения эпохи энеолита // Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. Свердловск : Изд-во УрО АН СССР, 1990. С. 4–28.
12. Jacobson E. The appearance of narrative structures in the petroglyphic Art of prehistoric Siberia and Mongolia // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. С. 92–106.
13. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: Самусьская культура // Труды музея археологии и этнографии Сибири. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. Т. II. 526 с.
14. Евсюков В.В. Мифология китайского неолита : по материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 128 с.
15. Koksharov S.F. Eneolithic anthropomorphic pictures from the Konda and Malaya Sosva // Congressus primus Historiae Fenno-Ugricae. I:1. Oulu, 1996. P. 507–512.
16. Кабо В.Р. Синкретизм первобытного искусства (по материалам австралийского изобразительного искусства) // Ранние формы искусства. М. : Искусство, 1972. С. 275–299.
17. Окладников А.П., Петрин В.Т. Новая пещера на Урале с палеолитическими росписями // Природа. 1982. № 1. С. 70–75.
18. Широков В.Н. Проблема возраста настенных изображений Игнatieвской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // Российская археология. 2006. № 2. С. 99–105.
19. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск : Наука, 1992. 207 с.
20. Студзицкая С.В. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М. : Наука, 1987. С. 318–326.
21. Широков В.Н. Петрин В.Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская 2 пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013. 190 с.
22. Тербергер Т., Жилин М.Г., Савченко С.Н., Хансен С., Хойсснер К.-У. Датировка Шигирского идола и его контекст // Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии : программа междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12–16 июня 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 5.

23. Широков В.Н., Дубровский Д.К., Суриков В.Т., Киселева Д.В., Петрищева В.Г. Наскальные изображения Среднего и Южного Урала: микроразлементный состав образцов древних красок // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 100–111.
24. Петрин В.Т., Усачева И.В. Антропоморфная скульптура эпохи неолита с Южного Урала // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург : Аква-Пресс, 2003. С. 83–86.
25. Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX–XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока // Труды Института этнографии. Новая серия. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 81. 500 с.
26. Бозунова-Пестрякова И.В. Первобытное искусство // История искусства зарубежных стран. М. : Изобразительное искусство, 1981. С. 7–28.
27. Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1974. 240 с.
28. Обермайер Г. Доисторический человек. СПб., 1913. 687 с.
29. Жилин М.Г. Результаты трасологического анализа Большого Шигирского идола // Большой Шигирский идол в контексте искусства каменного века Северной Евразии : программа междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 12–16 июня 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 6, 37–38.
30. Кокшаров С.Ф. Об истоках антропоморфных образов на керамике самусьской культуры // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 15–20.
31. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 155 с.

Sergei F. Koksharov, Institute of History and Archaeology Urals Branch RAS (Ekaterinburg, Russian federation). E-mail: serg.koksharov@mail.ru

RENDERING PERSPECTIVE IN THE CARVINGS OF THE GREAT SHIGIR IDOL

Keywords: The Great Shigir Idol; artwork; X-Ray style; iconographic canon; figurative and non-figurative images; perspective; Paleolithic; Mesolithic; Ural.

Present article gives an overview of different topics related to the history of studying the Great Shigir Idol that was found in a peat bog in the Middle Urals. The starting point of this overview is 1916 when Vladimir Tolmachev published the most explicit graphic reconstruction of the Idol, and covers contemporary days marked by new important discoveries. The present article considers different opinions of the researchers regarding the dating of the Idol as well as interpretations of the patterns engraved on the wooden sculpture. Special consideration is given to the materials from the Eneolithic settlement of Volvoncha I by the river Konda, Western Siberia; these materials allowed to date the anthropomorphic ornamentations in X-Ray style (skeleton variant) back to the III millennium B.C. Figurative patterns from the Rear Chamber of the Ignatievka Cave (Upper Paleolithic) were involved in a search for the patterns similar to the ones found on the Shigir Idol. These figurative patterns led to the discovery of the declivous anthropomorphic characters placed at the base of the Idol. New radiocarbon dating obtained in the latest years at the research centers of Russia and Germany indicates the early Holocene age of the Idol and thus refers the search for parallels to the Ice Age monuments of art. We are talking not only about the cave paintings but also about the art pieces of small dimensions found among Western European monuments that use the artistic device of the perspective. Under these premises, we consider some parts of the chevron ornamentations that tower above certain faces on the Idol body. The author believes that each element forming chevrons may represent a separate stylized anthropomorphic image.

New data on artwork narrow the chronological range between the Shigir and the Ignatievka. This gives convincing parallelism. Despite the differences in the technique of the embodiment of anthropomorphic figures from peat bogs and caves (wood carving and painting in red pigment with the inclusion of organic material on the cave arch), in a manner of execution (X-Ray style and lineal style), the compared images from the Shigir and Ignatievka share common features. This arrangement is full-face, bent lower limbs, a single technique in the transmission of sex and ultimate stylization.

Anthropomorphic images reproduced in full face in skeletal or X-ray style, it is proposed to combine the concept of “Shigir style”. Apparently, it was widely distributed in the fine arts of the populations of the Northern Eurasia in prehistory and Middle Ages.

REFERENCES

1. Savchenko, S.N. (1999) Istoriya formirovaniya kollektsii shigirskikh drevnostey v Sverdlovskom oblastnom kraevedcheskom muzee [Shigir artefacts in the Sverdlovsk Regional Local Lore Museum (the stages of archaeological collection formation)]. In: Kovaleva, V.T. (ed.) *120 let arkheologii vostochnogo sklona Urala* [120 years of the eastern slope of the Urals]. Ekaterinburg: URGU. pp. 46–53.
2. Savchenko, S.N. & Zhilin, M.N. (2004) O novykh detalyakh izobrazheniy Bol'shogo Shigirskogo idola [On the new details of the Great Shigir Idol's images]. In: Panina, S.N. (ed.) *Chetvertye Bersovskie chteniya* [Fourth Bersov Reading]. Ekaterinburg: Akva-Press. pp. 130–147.
3. Chairkina, N.M. (2013) Big Shigir Idol. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(41). pp. 100–110. (In Russian).
4. Tolmachev, V.Ya. (1916) Derevyannyi idol iz Shigirskogo torfyanika [Wooden Idol from Shigir peatbog]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii*. 60. pp. 94–99.
5. Ivanov, S.V. (1970) *Skul'ptura narodov severa Sibiri XIX – pervoy poloviny XX v.* [Sculpture of the North Siberian peoples in the 19th – first half of the 20th Centuries]. Leningrad: Nauka.
6. Moshinskaya, V.I. (1976) *Drevnyaya skul'ptura narodov Urala i Zapadnoy Sibiri* [Prehistoric sculpture of the Ural and Western Siberian peoples]. Moscow: Nauka.
7. Savchenko, S.N. (2017) [On the images on the Big Shigir Idol]. *Bol'shoy Shigirskiy idol v kontekste iskusstva kamennogo veka Severnoy Evrazii* [The Big Shigir Idol in the context of North Eurasia Stone Age Art]. Ekaterinburg, June 12–16, 2017. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 7–8. (In Russian).
8. Chernetsov, V.N. (1964) Naskal'nye izobrazheniya Urala [The rock arts of the Urals]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Vols. 4–12.
9. Shirokov, V.N., Chairkina, S.E. & Shirokova, N.A. (2005) *Ural'skie pisanitsy: reka Tagil* [The rock arts in the Urals: the Tagil river]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii.
10. Serikov, Yu.B. (1991) Proizvedeniya pervobytnogo iskusstva s vostochnogo sklona Urala [Works of primitive art from the eastern slope of the Urals]. *Voprosy archeologii Urala*. 24. pp. 92–101.
11. Koksharov, S.F. (1990) *Materialy po izobrazitel'noy deyatel'nosti drevnego naseleniya Urala* [Materials on the prehistoric art of the Urals people]. Sverdlovsk: USSR AS. pp. 4–28.
12. Jacobson, E. (1990) The appearance of narrative structures in the petroglyphic Art of prehistoric Siberia and Mongolia. In: Vasilevsky, R.S. (ed.) *Semantika drevnikh obrazov. Pervobytnoe iskusstvo* [The semantic of the prehistoric images. Primitive art]. Novosibirsk: Nauka. pp. 92–106.
13. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: Samus'skaya kul'tura* [Ancient art of Siberia: The Samus culture]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Evsyukov, V.V. (1988) *Mifologiya kitayskogo neolita : po materialam rospisey na keramike kul'tury yanshao* [Mythology of the Chinese Neolithic: Based on Ceramic Paintings of the Yangshao Culture]. Novosibirsk: Nauka.
15. Koksharov, S.F. (1996) Eneolithic anthropomorphic pictures from the Konda and Malaya Sosva. *Congressus primus Historiae Fenno-Ugricae*. I:1. pp. 507–512.
16. Kabo, V.R. (1972) Sinkretizm pervobytnogo iskusstva (po materialam avstraliyskogo izobrazitel'nogo iskusstva) [Syncretism of Primitive Art (Based on the Materials of Australian Fine Art)]. In: Meletinsky, E. (ed.) *Rannie formy iskusstva* [Early Forms of the Art]. Moscow: Iskusstvo. pp. 275–299.

17. Okladnikov, A.P. & Petrin, V.T. (1982) Novaya peshchera na Urale s paleoliticheskimi rospis'yami [A new cave with paleolithic paintings in the Urals]. *Priroda*. 1. pp. 70–75.
18. Shirokov, V.N. (2006) Problema vozrasta nastennykh izobrazheniy Ignatievskoy peshchery v svyazi s pervymi radiouglerodnymi datirovkami krasochnogo pigmenta [The problem of the age of wall images of the Ignatievskaya cave in connection with the first radiocarbon dating of the colorful pigment]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*. 2. pp. 99–105.
19. Petrin, V.T. (1992) *Paleoliticheskoe svyatilishche v Ignatievskoy peshchere na Yuzhnom Urale* [A paleolithic sanctuary in the Ignatievskaya cave in the South Urals]. Novosibirsk: Nauka.
20. Studzitskaya, S.V. (1987) Iskusstvo Vostochnogo Urala i Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy [The Art of the Eastern Urals and Western Siberia in the Bronze Age]. In: Bader, O.N., Kraynov, D.A. & Kosarev, M.F. (eds) *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR* [The Bronze Age in the forest zone of the USSR]. Moscow: Nauka. pp. 139–146.
21. Shirokov, V.N. & Petrin, V.T. (2013) *Iskusstvo lednikovogo veka. Ignatievskaya i Serpievskaya 2 peshchery na Yuzhnom Urale* [The Ice Age art. Ignatievskaya and Serpievskaya-2 caves in the South Urals]. Ekaterinburg: [s.n.].
22. Terberger, T., Zhilin, M.G., Savchenko, S.N., Hansen, S., Hoissner, K.-U. (2017) Datirovka Shigirskogo idola i ego kontekst [Dating the Shigir idol and its context]. *Bol'shoy Shigirskiy idol v kontekste iskusstva kamennogo veka Severnoy Evrazii* [The Big Shigir Idol in the context of North Eurasian Stone Age Art]. Ekaterinburg, June 12–16, 2017. Ekaterinburg: [s.n.]. p. 5.
23. Shirokov, V.N., Dubrovsky, D.K., Surikov, V.T., Kiseleva, D.V. & Petrisheva, V.G. (2014) Petroglyphs of the Middle and the South Ural: microelement composition of ancient paint samples. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1(42). pp. 100–111. (In Russian).
24. Petrin, V.T. & Usacheva, I.V. (2003) Antropomorfnyaya skulptura epokhi neolita s Yuzhnogo Urala [Anthropomorphic sculpture of the Neolithic era from the South Urals]. In: Chairkina, N.M. (ed.) *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh* [The images and sacral space at prehistoric time]. Ekaterinburg: Akva-Press. pp. 83–86.
25. Ivanov, S.V. (1963) *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskiy istochnik (po materialam XIX–XX v.)* [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th – 20th centuries)]. Moscow, Leningrad: USSR AS.
26. Bozunova-Pestryakova, I.V. (1981) Pervobytnoe iskusstvo [Prehistoric art]. In: Chubova, A.P. (ed.) *Istoriya iskusstva zarubezhnykh stran* [History of Foreign Art]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. pp. 7–28.
27. Frolov, B.A. (1974) *Chisla v grafike paleolita* [Numbers on the Paleolithic graphic art]. Novosibirsk: Nauka.
28. Obermayer, G. (1913) *Doistoricheskiy chelovek* [Prehistoric man]. St. Petersburg: [s.n.].
29. Zhilin, M.G. (2017) [The results of the traceological analysis of the Big Shigir idol]. *Bol'shoy Shigirskiy idol v kontekste iskusstva kamennogo veka Severnoy Evrazii* [The Big Shigir Idol in the context of North Eurasian Stone Age Art]. Ekaterinburg, June 12–16, 2017. Ekaterinburg: [s.n.]. p. 6, 37–38. (In Russian).
30. Koksharov, S.F. (2010) Ob istokakh antropomorfnykh obrazov na keramike samus'skoy kul'tury [On the sources of anthropomorphic images on the Samus culture ceramics]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 1(26). pp. 15–20.
31. Sagalae, A.M. (1991) *Uralo-altayskaya mifologiya. Simvol i arkhetyip* [The Urals-Altay mythology. The symbol and archetype]. Novosibirsk: Nauka.